

На правах рукописи

Манюхин Игорь Семенович

**ЭТНОГЕНЕЗ СААМОВ
(опыт комплексного исследования)**

Специальность 07.00.06. - археология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ижевск 2005

Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Савельева Элеонора Анатольевна

доктор исторических наук
Шутова Надежда Ивановна

доктор исторических наук
Белорыбкин Геннадий Николаевич

Ведущая организация: ГОУВПО «Казанский государственный университет»

Защита состоится « » _____ 2005 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д.212.275.01 в Удмуртском государственном университете по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Удмуртского государственного университета

Автореферат разослан « » _____ 2005 года

Ученый секретарь
Диссертационного совета, к.и.н., доцент

Журавлева Г. Н.

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Саамы, или лопари, являются древнейшим уральским этносом, и проблема их происхождения имеет ключевое значение для этногенеза и ранней истории остальных народов этой языковой семьи. Особенно тесно происхождения и ранняя история саамов связаны с древнейшим прошлым поволжских (марийцы) и прибалтийских финнов. В процессе расселения на Севере Восточной Европы саамы взаимодействовали с предками современных балтов, северных германцев, славян, самодийцев, что позволяет затронуть важные вопросы древней истории и этих народов. Следует отметить, что из всех проблем современной лопанистики происхождение саамов остается наиболее дискуссионным и недостаточно освещенным. Обобщающих комплексных работ, опирающихся на обширный и разнообразный круг источников, пока нет. Это делает появление такого рода исследований особенно актуальным. В 2002 г. вышла монография автора по этногенезу саамов. Представленная диссертация основана на ее результатах и является логическим продолжением работы по этой теме.

Появление подобного комплексного исследования стало возможным только в постсоветское время, когда у российских ученых появились условия для знакомства с достижениями зарубежной науки в области лопанистики и древнейшей саамской истории, открылся доступ к научной литературе, архивам и музейным коллекциям, непосредственным контактам с заграничными коллегами. Возникли предпосылки для обобщения ранее разрозненного материала и написания комплексных работ в области саамского этногенеза.

Социокультурные изменения в России и в мире конца XX века также активизировали научный интерес к национальному культурному наследию и своеобразию этнических культур. На первый план выдвинулись вопросы национального возрождения, проблемы национальной и этнической идентичности. Эти проблемы во многом опираются на знание о разных, в том числе и древнейших, этапах истории этносов. В случае с саамами, современными жителями России, Финляндии, Швеции и Норвегии, проблема их национального возрождения и этнической идентичности приобрела международный статус, поэтому наряду с научным значением исследования в области саамского этногенеза актуальны и в контексте успешной реализации современной национальной политики.

Объект и предмет исследования. Недостаточная разработанность этногенеза саамов в России и за рубежом позволили рассматривать проблему происхождения лопарей в качестве объекта научного исследования. Предметом исследования в данном случае становятся особенности и характер формирования основных элементов этноса: языка, антропологических особенностей, материальной и духовной культуры, самосознания, рассмотрение которых в историческом развитии и взаимосвязи и дает представление об этногенезе и ранней истории саамов.

Цель и задачи исследования. Целью диссертации является выяснение происхождения саамов на основе углубленного изучения и сопоставления данных археологии, антропологии и лингвистики, этнографии и истории. В основе диссертации лежат данные по археологии. Основными задачами исследования для достижения поставленной цели были: характеристика культуры типичной сетчатой керамики эпохи бронзы на Севере России и культурно-исторической общности эпохи железа, состоящей из культур позднекаргопольской, лууконсаари, кельмо на Севере Восточной Европы, соотнесение наиболее значимых результатов по языку и топонимике, антропологии и этнографии саамов с данными археологии.

Степень изученности проблемы. В зарубежной и отечественной науке пока нет комплексных обобщающих монографий по этногенезу саамов. Однако количество научной литературы, где высказываются различные точки зрения на происхождение лопарей, достаточно велико. Все эти точки зрения можно свести к трем основным направлениям. В первом случае саамов определяют как пришельцев с востока или юго-востока - районов Приуралья, Зауралья или Западной Сибири. Во втором случае саамы рассматриваются как очень древнее автохтонное население Севера Европы. В третьем случае саамы характеризуются как смешанная популяция, в образовании которой приняло участие местное и пришлое население. В рамках указанных направлений существует большое количество взглядов, где по-разному трактуются вопросы о причинах, времени и характере саамского этногенеза. В финно-угроведении сложилась особая отрасль знания - лопанистика, посвященная изучению саамов. В рамках этой дисциплины были достигнуты существенные успехи в области изучения саамской антропологии, языка, материальной и духовной культуры.

В изучение антропологии саамов большой вклад внесли В. П. Алексеев, Т. И. Алексеева, В. В. Бунак, В. П. Якимов, Г. Л. Хить, К. Ю. Марк, И. И. Гохман, Р. У. Гравере, Р. Я. Денисова, Г. М. Давыдова, А. А. Зубов, Ю. Д. Беневоленская, В. И. Хартанович, Г. А. Аксянова, К. Скрейнер, А. Эриксон, Н. Нисканен и ряд других ученых. На основе исследования саамов по разным системам признаков: краниологии, одонтологии, дерматоглифике, соматологии и серологии было сформулировано представление о лапоноидном антропологическом типе, занимающем особое место в расовой систематике. Выявлены как уникальные особенности этого типа, так и существенные черты, сближающие его с другими уральскими народами. Выдвинуты и обоснованы автохтонная и миграционная теории происхождения лопарей.

В исследовании истории и топонимии саамского языка большую роль сыграли Т. Итконен, Э. Итконен, П. Саммалаhti, Б. Коллиндер, М. Корхонен, К. Виклунд, В. Д. Бубрих, Г. М. Керт, П. М. Зайков, И. И. Муллонен, К. А. Матвеев и другие. Благодаря успехам сравнительно-исторического языкознания была разработана фундаментальная теория распада Уральской языковой семьи на отдельные составляющие через более общие по своей природе праязыковые общности до уровня современных языков и их

диалектов. Саамский язык был всесторонне изучен и описан, выявлено его положение относительно других родственных языков, иноязычные контакты. Собран огромный материал по саамской топонимии, позволяющий говорить о границах саамского ареала на разных этапах его истории, времени и особенностях саамского этногенеза.

В области археологии упомянем К. Однера, Б. Ольсена, К. Клеппе, И. Сернинг, И. Закриссон, Э. Боду, К. Карпелана, А. М. Тальгрена, К. Ф. Мейнандера, Г. А. Панкрушева, М. Г. Косменко, Н. Н. Турину, В. Я. Шумкина. Этими и другими археологами были открыты и изучены многочисленные памятники и культуры эпохи камня, бронзы, железа и средневековья на Севере Европы, позволившие создать связную картину заселения указанной территории в разные эпохи, высказаны плодотворные идеи о принадлежности ряда северных культур древним саамам.

В области саамской этнографии отметим М. А. Кастрена, Н. А. Харузина, Э. Манкера, Ю. Квигстада, У. Воррена, Л. Бэкман, Д. А. Золотарева, В. В. Чарнолуцкого, А. П. Косменко, Т. В. Лукьянченко. Этнографы всесторонне охарактеризовали материальную и духовную саамскую культуру исторического времени. Архаические особенности современной саамской культуры позволили связать ее с археологическими древностями Севера и проследить саамскую историю на протяжении длительного отрезка времени.

Ряд конкретных исследований был особенно важен для автора при формировании его взглядов на саамский этногенез. Упомянем работы В. П. Алексеева (1969, 1974), Ю. Д. Беневоленской (1991), В. В. Бунака (1965, 1977, 1980), И. И. Гохмана (1984, 1986), Р. У. Гравере (1977, 1984), Г. М. Давыдовой (1975, 1991), Р. Я. Денисовой (1975, 1982), А. А. Зубова (1982, 1991), К. Ю. Марк (1956, 1975, 1982), В. И. Хартановича (1980, 1991), Г. Л. Хить (1983, 1991), В. П. Якимова (1953, 1960), N. Niskanen (1998), K. Schreiner (1931, 1935), Д. В. Бубриха (1947, 1949), Г. М. Керта (1971), А. Кулина (1995), В. Лескинена (1967), А. К. Матвеева (1964 и др.), И. И. Муллонен (1988, 1994), А. И. Попова (1965), Б. А. Серебрянникова (1965), П. Хайду (1985), Е. А. Хелимского (1982), E. Itkonen (1961), T. Itkonen (1948, 1980), M. Korhonen (1976, 1981), P. Sammalahti (1984, 1989), Н. Н. Гуриной (1997), М. Г. Косменко (1992, 1993), С. В. Кузьминых (1983), В. С. Патрушева (1984), А. Х. Халикова (1977), В. Я. Шумкина (1991), E. Bakka (1976), E. Baudou (1960), С. Carpelan (1979), M. Huurre (1979, 1986), В. Hulthen (1991), E. J. Kleppe (1977), M. Lavento (2001), K. Meinander (1954, 1969), В. Olsen (1984, 1985), K. Simonsen (1961), А. М. Tallgren (1919, 1937), А. П. Косменко (1993, 2003), Т. В. Лукьянченко (1971, 2003).

Методология и методы исследования. В основе комплексного подхода, применяемого автором для выяснения этногенеза саамов, лежали представления, наиболее четко выраженные в отечественной науке Ю. В. Бромлеем, о наличии у этносов определенного устойчивого набора признаков (языка, культуры, этнического самосознания), которые формируются в строго определенных территориальных, природных, социально-

экономических условиях. Автор попытался определить причины, характер и особенности формирования подобных признаков у саамов. Здесь он столкнулся с проблемой корреляции данных разных дисциплин, что при недостаточной разработанности теории этногенеза, многообразии и индивидуальности этногенетических процессов потребовало, наряду с уже апробированными, применения и новых нестандартных решений и методических приемов, соответствующих специфике исследуемого материала. При рассмотрении антропологических и археологических источников большое внимание было уделено палеоантропологическим находкам, уточнению их возраста и культурной принадлежности. При корреляции данных языкознания и археологии - сопоставлению стратиграфии археологических и топонимических пластов, а также этапов развития языковой финской общности с археологическими процессами, протекавшими на широкой территории Северной Европы, сравнению географии и топографии саамской топонимии с особенностями пространственного размещения археологических памятников, соотносению времени проникновения различных языковых заимствований в саамский язык (самодийских, балтийских, германских) с особенностями формирования древней материальной культуры саамов. Использование этнографических источников позволило выявить сходство части современных орнаментов и узоров на сосудах эпохи железа, определить другие общие моменты в современной и древней культуре лопарей. При написании диссертации автор использовал и общепринятые в современных археологических и исторических научных исследованиях методы: историко-генетический, сравнительно-исторический, типологический, описательный, ретроспективный и статистический.

Источниковая база исследования. Емкость проблемы потребовала привлечения вещественных источников разного времени - от мезолита до средневековья, но более подробно анализировались древности эпохи бронзы - железа от сер. 2 тыс. до н. э. - до 5-7 вв. н. э. К работе привлекались материалы, полученные в Северной и Восточной Фенноскандии, на северо-западе Русской равнины. В административном плане это север Норвегии и Швеции, Финляндия, Карелия, Кольский п-ов, юго-запад Архангельской и северо-запад Вологодской, север Ленинградской областей. Автор использовал археологические материалы и архивные источники (полевые отчеты и дневники) из фондов ГИМ в г. Москве, Института ЯЛИ КНЦ РАН в г. Петрозаводске, Архангельского и Вологодского областных краеведческих музеев, районных музеев указанных областей в городах Белозерске, Каргополе, Кириллове, Череповце, а также материалы из фондов Национального музейного ведомства в Финляндии. На основании этой работы был составлен каталог, включающий сведения о 357 памятниках эпохи бронзы и раннего железа с указанных территорий. Коллекции 321 памятника были статистически обработаны лично автором. С начала 1980-х гг. автор был организатором и участником ежегодных полевых изысканий. Им были открыты и изучены десятки археологических памятников на

территории Карелии, Архангельской и Вологодской областей, в том числе зафиксированы и описаны свыше 500 саамских культовых сложений на островах Белого моря, в центральной и северной Карелии. Большая работа была проделана также по сбору, анализу и систематизации обширной научной литературы по лопанистике, изданной в России и за рубежом: в Швеции, Норвегии, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Латвии и других странах. Значительная часть этой литературы из-за языкового барьера, библиографической редкости и ограниченности контактов с иностранными коллегами была малоизвестна отечественным исследователям.

Научная новизна диссертации. Впервые в России этногенез саамов рассмотрен с привлечением столь большого круга источников из разных дисциплин. Для написания диссертации автором были собраны, систематизированы, проанализированы и сопоставлены значительные материалы по археологии, учтены наиболее существенные результаты, достигнутые в области современной антропологии, сравнительно-исторического языкознания и топонимики, этнографии. Прделанная работа позволила выдвинуть и обосновать собственную непротиворечивую теорию происхождения саамов, согласно которой саамы образовались в результате взаимодействия двух компонентов. К первому относится древнее северное европеоидное автохтонное население, владевшее уникальным языком, оставившее на северо-западе России памятники с типичной сетчатой керамикой. Ко второму - поволжское (акозинско-ахмыловское) монголоидно-европеоидное финское население. Начало этногенеза саамов относится к сер. I тыс. до н. э., когда поволжское население проникает на Европейский Север и вступает в активное взаимодействие с аборигенами. Присутствие северного и южного компонентов фиксируется у предков лопарей и современных саамов в их физическом, языковом, духовном и материальном своеобразии. Повсюду отмечаются уникальные древнеевропейские особенности саамского этноса и их очевидная близость по многим показателям к прибалтийским и волжским финнам, а также другим уральским народам. В области антропологии смешение северного и южного компонентов привело к началу формирования особого лапоноидного типа. В области лингвистики - к образованию саамского языка, финского в своей основе, но вобравшего в себя характерные особенности речи аборигенов, и началу формирования саамской топонимики. В археологии - к образованию широкой, от Белого озера до Ледовитого океана, историко-культурной области, состоящей из родственных культур позднекаргопольской, лууконсаари и кьельмо. Автор полагает, что основные процессы саамского этногенеза приходятся на эпоху железа (от сер. I тыс. до н. э. - до сер. I тыс. н. э.).

Самостоятельную научную значимость имеют и другие результаты исследования. Автором впервые дана общая характеристика культуры типичной сетчатой керамики эпохи бронзы на Севере России и культурно-исторической области эпохи железа из культур позднекаргопольской, лууконсаари, кьельмо на Севере Восточной Европы. Рассмотрены их генезис,

ареалы, хронология и периодизация, география и топография памятников, планиграфия культурных остатков, классифицирован большой вещественный материал, включающий керамику, каменные и костяные орудия, металлические вещи и остатки металлургического производства. На основании сопоставления археологических и лингвистических источников сформулированы представления о саамской принадлежности культур позднекаргопольской, луконсаари и кьельмо, уточнена хронология германских и балтийских заимствований в саамском языке, уточнено также время и особенности образования лопарского антропологического типа.

Практическая значимость исследования. Основные положения диссертации могут быть использованы для разработки проблем этногенеза и ранней истории финно-угорских, балтийских, северогерманских и самодийских народов. В исследовании содержится материал для написания обобщающих трудов и специальных монографий, научных статей и докладов, учебно-методических, научно-популярных изданий по археологии, лингвистике, антропологии, истории и этнографии Северной Европы. Результаты исследования могут быть использованы для обоснования теоретических и практических подходов в реализации национальной политики и национальных отношений.

Апробация работы. Все основные выводы и данные диссертации изложены подробно в авторской монографии, а также двух коллективных монографиях, где автором написаны соответствующие разделы, в серии научных статей, опубликованных в России и за рубежом, тезисах конференций и докладов. Такие доклады были сделаны автором в период с 1993 по 2003 гг. на самых разных уровнях: на международном конгрессе финно-угроведов в г. Оулу, международных конференциях в городах Петрозаводске, Кеми, Ламми, Оулангском национальном парке Финляндии, а также научных конференциях КНЦ РАН и заседаниях сектора археологии ИЯЛИ КНЦ РАН, где выполнена данная диссертация.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и трех приложений, включающих каталог и списки памятников, статистические таблицы, рисунки и карты. Деление основного текста работы на главы обусловлено задачами исследования.

Во введении дана краткая характеристика современных саамов и лопанистики, а также обоснована актуальность темы и ее аргументация. Определены цели и задачи исследования, дана характеристика использованных источников, методология и методика, указана научная новизна, апробация, практическая значимость и структура исследования.

В главе первой «Антропология саамов» автор обобщил наиболее важные сведения о лопарях, полученные по разным системам признаков: краниологии, одонтологии, дерматоглифике, серологии и соматологии на основе современных, а там, где это возможно, и палеоантропологических материалов. Сопоставление данных антропологов показывает, что в лопарском типе присутствуют черты древнего североевропеоидного населения и более поздние черты, связанные с проникновением на север

монголоидного комплекса. Слияние двух компонентов и привело к формированию антропологических особенностей лопарей. Такая двойственность объясняет наличие у лопарей уникальных древних характеристик, а также их сходство с уральскими народами. Большую роль для расогенеза саамов представляют палеоантропологические материалы. Для выяснения вопроса о времени возникновения лопарского антропологического типа автор предпринял ретроспективное исследование краниологических серий лопарских черепов от современных к более древним. Ближайшие к современности черепа происходят из района Варангера в норвежском Финмарке. Большинство могил здесь относится к первым векам н. э. и эпохе средневековья. Выяснилось, что более ранние серии из Финляндии с мест Леванлухты и Кельдамяки прежде были отнесены к саамам ошибочно. Серия черепов из Оленеостровского могильника в Кольском заливе Баренцева моря оценивалась антропологами по-разному. В. П. Якимов (1953) указал на ее уникальность, а В. П. Алексеев (1974) определил ее как лопарскую. Эти и другие антропологи указали на близкое сходство оленеостровских черепов с ананьинскими черепами из Волго-Камья. В. П. Алексеев (1969) предположил, что лапоноидный тип образовался на Севере в ананьинское время благодаря проникновению низколицего монголоидного комплекса из Прикамья и его смешению с местными европеоидами. Автор поддерживает эту точку зрения. Серия черепов оленеостровцев относится к древнесаамской культуре кьельмо и датируется эпохой железа. Ряд антропологов (Денисова, 1982; Марк, 1956; Хартанович, 1991) писали о глубокой древности лапоноидного типа и его широком распространении в мезо-неолитическое время в лесной полосе Восточной Европы. Автор еще раз рассмотрел древнейшие палеоантропологические находки. Оказалось, что одни черепа были определены лапоноидными ошибочно, а другие в настоящее время датируются более поздним временем. Эти данные укрепили мнение автора о формировании лапоноидного типа в эпоху железа. Для выявления генетических компонентов саамского расогенеза были приведены также сведения по другим системам признаков. Оказалось, что повсюду выявляются черты, связывающие лопарей с финно-угорскими народами и особенности, свидетельствующие об их уникальности. В одонтологии антропологи выделяют наличие у лопарей древнего северного реликтового и более позднего монголоидного комплексов (Зубов, 1982, 1991). Данные дерматоглифики, не отрицая присутствия у лопарей европеоидных черт, более других данных фиксируют наличие у них признаков монголоидности (Хить, 1982, 1991). Результаты серологических исследований современных лопарей Финноскандии в России и за рубежом выявили их уникальные черты и сходство по ряду показателей с прибалтийскими финнами и народами Приуралья и Зауралья (Муррент, 1964; Эрикссон, 1974; Спицин, 1974; Niskanen, 1998). Соматологическая характеристика лопарей, при разности подходов, также определяет их своеобразие и неповторимость, при этом четко фиксируя сходство саамов с народами уральской группы (Бунак, 1965,

1980; Марк, 1975, 1982). Таким образом, по всем показателям очевидно, что саамы отличаются от других народов и это отличие, по мнению антропологов, заключается в определенном наборе у них генных признаков, высокому проценту группы крови А-2, низкому лице. С другой стороны, очень отчетливо проявляются признаки, связывающие лопарей с прибалтийско-финскими и поволжскими, в меньшей мере западносибирскими уральскими народами. Объяснить такое противоречивое сочетание признаков, по мнению автора, можно лишь исходя из участия в расогенезе двух генетических компонентов — северного и поволжско-приуральского. Взаимодействие указанных компонентов приходится на начало эпохи железа.

В главе второй «Языкознание и топонимика» рассматриваются вопросы о соотношении языка и этноса, проблемах и методике историко-лингвистических исследований, саамском языке, его происхождении и истории. На основе сопоставления археологических и лингвистических источников очерчиваются ареалы двух основных генетических компонентов саамского этногенеза - дофинского и южнофинского населения, выясняется территория проживания саамов на Севере Восточной Европы, устанавливается взаимосвязь между позднекаргопольскими памятниками и саамской топонимией. Саамская лексика рассматривается и как источник по изучению хозяйства и мировоззрения. Освещаются языковые контакты лопарей с самодийцами, балтами и северными германцами, определяется время отделения саамского языка от языков прибалтийско-финских. Для правильного сопоставления археологических и лингвистических источников автор остановился на вопросах о взаимоотношениях языка, материальной культуры и этноса, а также возможности участия современного финно-угорского языкознания в исторических реконструкциях. Благодаря уральскому сравнительно-историческому языкознанию описаны все финно-угорские языки. Определена степень их родства и близости в прошлом и настоящем, разработана фундаментальная теория распада языковой семьи на отдельные составляющие через более общие по своей природе праязыковые общности до уровня современных языков и их диалектов. Саамский язык по своим особенностям близок языкам прибалтийско-финским, затем марийскому, мордовскому, удмуртскому, коми, мансийскому, хантыйскому и венгерскому языкам. Сходство территориально близких языков и постепенное увеличение языковых различий по мере удаления их друг от друга указывает, что современное размещение уральских языков, кроме ненецкого и венгерского, отражает их положение относительно друг друга и в древности. Саамский язык, по-видимому, и в прошлом занимал крайнее северо-западное положение в уральской области, находясь в соседстве с языками прибалтийско-финскими и марийским, что подтверждается данными топонимии и археологии. В настоящее время саамский язык состоит из 6-9 диалектов. По данным топонимии А. К. Матвеев (1979) выделяет существовавшие в древности наречия белозерских, заволочских и двинских саамов. Первоначально саамский язык был единым, на что указывает большое количество общих слов во всех диалектах. Как и в

антропологических признаках, в саамском языке выделяется два генетических компонента. Наследие первого особенно хорошо прослеживается в лексике, в меньшей мере в морфологии, фонетике и синтаксисе. По подсчетам Т. Итконена (1948), до одной трети саамской лексики имеет субстратный характер, и эта лексика не имеет аналогий ни в одном из существующих языков мира. Она передает жизненно важные понятия. Вторым компонентом стала древнефинская речь, близкая прибалтийско-финским и марийскому языкам. Субстратная лексика, по мнению автора, позволяет в общих чертах определить географическую зону, в которой проживало дофинское население. Упомянем такие термины, как: земля, вода, остров, мыс, торф, камень, песок, кочка (на болоте?), дождь, туман, мороз, дерево, черника, морошка, хариус, росомаха, сеть, вешала (для сетей?), ходить на лыжах, пасти (присматривать?), котел, клей, сейд (божество?). Эти термины отражают условия жизни в таежной озерно-болотистой местности с прохладным и влажным климатом. Им соответствует Северная и Восточная Фенноскандия и прилегающая к ней с юга озерная область от устья р. Невы на западе до оз. Белое, Лача и Воже на востоке. Заимствование этой субстратной лексики древнефинским населением говорит о том, что оно прибыло из районов с иными природно-географическими условиями, и поэтому вынуждено было принять в готовом виде многие устоявшиеся понятия новой для себя географической лексики и хорошо адаптированного к этой местности хозяйственного комплекса. Подобное явление позднее хорошо зафиксировано у карел, финнов, славян, когда они в ходе расселения на Севере столкнулись с саамами и переняли у них уникальные названия северной флоры, фауны, термины, связанные с оленеводством и промыслами. Очевидно, что древнефинское население проживало в районах южнее массового распространения ягод черники и морошки, рыбы хариус. Близость саамского, прибалтийско-финских, мордовских и марийского языков могла возникнуть только путем общения их носителей в рамках определенной территории. Языковеды на основании данных фитогеографии предполагают, что такой территорией могла быть Средняя Россия, точнее восточная часть Волго-Окского междуречья (Казанцев, 1979), что полностью совпадает со взглядами автора. На это указывают и другие лингвистические параллели. Таковы саамско-марийские изоглоссы и общие названия частей тела (Куклин, 1996). На Русском Севере, сохранившем следы древнейшей финской топонимии, А. К. Матвеевым (1979) выявлены характерные названия, близкие саамскому и марийскому языкам. Очевидно, что в древности саамский и марийский языки стояли ближе друг к другу и эти народы граничили между собой. При этом древнесаамский язык (южный компонент) занимал более северное положение относительно марийского. Марийская топонимия в своей массе не выходит за линию Кострома — Котельнич. Следовательно, носители древнефинской речи проживали южнее границы субстратной дофинской лексики и севернее границы ареала древних марийцев. В географическом плане этот район находится между южным побережьем оз. Белое и Верхним

(Костромским) Поволжьем. Около сер. I тыс. до н. э., по археологическим данным, происходит продвижение поволжской культуры на Север, где в результате ее контакта с культурой типичной сетчатой керамики формируется обширная культурно-историческая область эпохи железа из культур позднекаргопольской, лууконсаари и кельмо. Автор сопоставил эти археологические процессы с лингвистическими процессами и нашел в них соответствие. Распространение потока волжской культуры на Севере нашло отражение в топонимии. Археологической миграции и образованию позднекаргопольской культуры на территории между Ладожским, Онежским и Белым озерами соответствует юго-восточный топонимический поток, включающий в себя различные этапы формирования и распада прибалтийско-финско-саамской общности. Установлено, что по времени он предшествует вепскому топонимическому потоку, связанному с более поздним освоением пространства Межозерья вепсами (Муллонен, 1994). Время вепского топонимического потока по археологическим данным с уверенностью соотносится с эпохой средневековья. Предшествующий вепскому саамский топонимический пласт должен относиться к эпохе железа, времени существования на этой территории позднекаргопольской культуры. Сохранение в Межозерье большого количества субстратной саамской и прибалтийско-финской топонимии свидетельствует об определенной плавности в заселении края, когда носители субстратного языка непосредственно контактировали с новым населением и в ходе этого взаимодействия передавали ему названия окружающей местности глубоко и последовательно вплоть до уровня микротопонимии. Это свидетельствует о продолжительных и мирных контактах саамов и вепсов и отсутствии каких-либо миграций и перемещений иного населения здесь в это время. Языковедами также установлено, что после распада прибалтийско-финской общности саамы находились в тесном взаимодействии с предками вепсов и карел-людигов, о чем говорят параллели в области фонетики и морфологии (Керт, 1971; Зайцева, 1988). Отмечаются близкие параллели в музыке и фольклоре двух народов (Пименов, 1965). Такие общие черты могли возникнуть только в районе Межозерья, другой территории для этого просто нет. Помимо совпадения лингвистической и археологической стратиграфии, на связь позднекаргопольской культуры с саамской топонимией указывают совпадение географии и топографии памятников и названий. Южная граница позднекаргопольских древностей совпадает с компактной группой древнесаамских гидронимов типа Егинжа, Добинжа, Илинжа, Игинжа, Лобинжа, Селинжезеро, Оренжа, Линжезеро и других, выделенных И. И. Муллонен (1994) на границе Онежского и Белозерского бассейнов. По данным А. К. Матвеева (1978), на этой территории саамская топонимия представлена обильно и местами даже преобладает над топонимией прибалтийско-финской. Более того, и топонимия и позднекаргопольские памятники концентрируются в котловинах значительных озер Андозеро, Белое, Воже, Лача и Водлозеро в местах, удобных для ведения присваивающего хозяйства. Нередки случаи точного совпадения саамских

топонимов и позднекаргопольских поселений, например, Челма, Лапиннаволок и др. На основании всех перечисленных фактов автор считает возможным связать возникновение и развитие древнесаамской топонимии в Междозерье с возникновением и развитием позднекаргопольской культуры, полагая, что она принадлежала древним саамам. Позднекаргопольская культура является лишь южной частью большой культурно-исторической области, состоящей также из культур лууконсаари и кьельмо, распространившихся на территории от Белозерья до Ледовитого океана. Их объединяет общность происхождения, культурных элементов, присваивающий характер экономики. Последнее обстоятельство резко отличает эти культуры от аграрных культур прибалтийских финнов и северных германцев. Взаимоотношения между группами памятников в одной культуре и между культурами с юго-востока на северо-запад по мере распространения и адаптации поволжской культуры на Севере Восточной Европы напоминают отношения лингвистической непрерывности в размещении контактирующих родственных языков и диалектов. Образование этой культурно-исторической зоны соответствует представлениям лингвистов о времени и процессах образования саамской топонимии и, по-видимому, отражает процессы формирования и расселения саамского этноса на Севере Восточной Европы. При общем совпадении ареалов археологических культур и саамской топонимии и их стратиграфии, ареал саамской топонимии больше и охватывает территорию к востоку до р. Северная Двина. Эта территория пока слабо изучена археологически и лингвистически, но имеющиеся немногочисленные памятники эпохи железа, так называемое «лесное ананьино», родственны рассматриваемым автором культурам эпохи железа. Вскрываемый на Русском Севере самый древнейший пласт дофинской топонимии однозначно свидетельствует о том, что саамы и прибалтийские финны не были первыми насельниками этой территории. Это опровергает все ранние и современные гипотезы о древнем мезо-неолитическом возрасте прибалтийских финнов и саамов в указанной зоне и говорит о том, что древнефинское население проникло сюда извне. Архаичная дофинская лексика, в свою очередь, не может далеко отстоять от лексики саамской. Иначе, исходя из закономерностей формирования топонимических пластов, она не сохранилась бы. В своей массе дофинская топонимия, скорее всего, принадлежит населению культуры типичной сетчатой керамики эпохи бронзы. Впервые этот вывод на основе карельских материалов сделал М. Г. Косменко (1993). Он представляется справедливым и для других территорий Русского Севера, где развитие археологических культур и отложение топонимии происходило сходным образом. Саамская топонимия была использована автором и как источник по изучению истории хозяйства и мировоззрению саамов. Она принадлежит населению с присваивающим типом хозяйства. Более 70% лексики связано с различными обозначениями озерного ландшафта, особенно характеристики озер, учитывающие их величину, проточность, береговые очертания и т. п. Кроме того, встречаются обозначения северной флоры и фауны, термины,

связанные с оленеводством, обозначающие средства передвижения и кочевой образ жизни. Археологические материалы также свидетельствуют о подвижном образе жизни и промысловой направленности хозяйства древнего населения. Саамские топонимы свидетельствуют о большой прилудательности лопарей и глубококом знании ими окружающей природы. Природная лексика окружающих их аграрных народов выглядит на этом фоне беднее. Важное место в истории саамского языка занимают языковые контакты. Выделяется три слоя иноязычных заимствований: самодийские, балтийские и северогерманские. Самодийские заимствования в саамском языке немногочисленны, а время их проникновения для языковедов не ясно. Саамско-самодийские контакты в археолого-лингвистической перспективе, по мнению автора, скорее всего относятся к средневековью, когда ненецкое население осваивает западную часть европейских тундр и подходит вплотную к саамскому ареалу в районе Восточного Беломорья и Канина Носа. Балтийские и особенно германские заимствования показывают время отделения саамского языка от языков прибалтийско-финских. Характер балтийской лексики указывает на существование развитого земледелия и животноводства у прибалтийских финнов, что соответствует материальной культуре не ранее эпохи железа. Отнести эту лексику к эпохе неолита-энеолита, как это делают некоторые ученые, не представляется возможным. Древнейшие германские заимствования, близкие по времени балтийским, содержат слово «железо», что, по мнению автора, позволяет относить их к эпохе железа. В Северной Скандинавии, Финляндии, Северо-Западе России металлургия железа распространяется около рубежа н. э., а самые первые железные орудия около сер. 1 тыс. до н. э. Таким образом, датировать древнейшие германские заимствования ранее начала эпохи железа невозможно. Об этом говорят и другие факты. Так, распространение германских культур и активная колонизация земель вдоль морского побережья Северной Швеции и Норвегии относятся к первым векам н. э. Здесь и могли контактировать предки германцев и саамов. Германские заимствования могли проникнуть в древнесаамский язык также с запада и юго-запада через Эстонию и юго-западную Финляндию вместе с потоком прибалтийской культуры в первых веках н. э. Языковеды считают, что к моменту этих контактов саамский язык уже начал существовать как самостоятельный. Таким образом, проникновение балтийских и германских заимствований относится к 500 г. до н. э. - 200-300 г. н. э., времени существования древнесаамской культурно-исторической общности на Севере Восточной Европы. Укажем также, что саамы под именем феннов упомянуты у римского историка Тацита, 1 в. н. э., который описал их как дикий кочевой народ, проживающий к востоку от Балтийского моря, что соответствует и другим источникам.

В третьей главе «Археологические источники» дана общая характеристика культуры типичной сетчатой керамики эпохи бронзы и культурно-исторической древнесаамской области эпохи железа, краткая характеристика культуры начала эпохи железа Среднего и Верхнего

Поволжья, Посухонья. В разделе первом «Культура сетчатой керамики на Севере Европы» описаны древности, которые, по мнению автора, связаны с дофинским населением, являвшимся одним из двух основных генетических компонентов саамского этногенеза. Их характеристика позволяет определить степень участия этих древностей в формировании культур эпохи железа. Рассмотрены материалы 187 поселений, находящихся в Ленинградской, Вологодской, Архангельской областях и Карелии, а также 30 поселений Финляндии. Сетчатая керамика Ленинградской области, Карелии, Финляндии получила обобщающую характеристику в трудах Н. Н. Гуриной (1966), М. Г. Косменко (1992, 1993), М. Лавенто (2001). Автор добавил сведения о памятниках Вологодской и Архангельской областей, а также некоторые новые материалы, суммировал все данные. Основная часть памятников зафиксирована на пространстве от восточного побережья Балтийского моря на западе до водной системы оз. Воже — оз. Лача — р. Онега на востоке. По направлению к северу памятники редуют и граница их не выходит за линию Полярного круга. С юга условной границей является 60 параллель, где проходит и южная граница саамской топонимии. Поселения концентрируются вокруг крупных водоемов, что дало возможность выделить пять районов их локализации, бассейны озер Ладожское, Онежское, Белое, Воже и Лача, южное Беломорье. Учитывая разницу в площади и сумме культурных остатков, среди памятников выделены кратковременные поселения площадью до 200 м², содержащие от 1 до 10 сосудов, средние - площадью до 1000 м², с 10 - 50 сосудами и крупные - свыше 1000 м² с более чем 50 сосудами. Такое деление позволило выявить географические приоритеты и плотность расселения в древности. Вдоль побережья оз. Ладожского в первом регионе выявлено 35 памятников, приуроченных к нижнему течению рек Волхова, Вуоксы, Олонки, Паши, Сяси и др. Крупным памятником является Усть-Рыбежна II, два поселения - средние, остальные кратковременные. Свыше трети памятников (69) находится во втором регионе в бассейне оз. Онежского. Из них на его побережье 22. Они привязаны к устьям крупных рек Андомы, Вытегры, Водлы, Шуи, Суны, Черной и истоку р. Свири. К крупным поселениям относится Томица, еще 4 поселения средние, остальные кратковременные. Еще 14 памятников находятся на оз. Сямозеро и 24 на оз. Водлозеро. Они преимущественно приурочены к устьям рек. Из них Келка III и Охтома III крупные, 9 средних, остальные кратковременные. Третий регион объединяет 24 поселения оз. Белого, третьего по величине акватории после озер Ладожского и Онежского. Одно поселение - Белозерское - здесь крупное, одно среднее, остальные кратковременные. Они приурочены к устьям рек Ковжи, Кемы, Водобы и истоку р. Шексны. Памятники оз. Лача и Воже (25) выделены в четвертый регион. Поселения привязаны к приустьям и истокам рек, из них крупными являются Модлона и Селище, три поселения средние, остальные кратковременные. Поселения Беломорья (29) на Поморском, Зимнем, Летнем берегах, озерах западного Прибеломорья Тунгудском, Сумозере, Куйто объединены в пятый микрорегион. На морском побережье

скопление из 13 поселений зафиксировано в устье р. Выг, отдельные пункты отмечены в устьях рек Катеринихи, Галдарей, Чукчи, Яренги. Девять поселений обнаружены на внутренних прибалтийских озерах. Среди памятников одно поселение, Бохта II, крупное, два средних, остальные кратковременные. За пределами России памятники с типичной сетчатой керамикой есть в Финляндии (145). Из изученных автором двух десятков финских коллекций только 5 относились к средним, остальные к небольшим. Они также группируются у больших водных систем. Далее к западу обломки от двух типичных сетчатых сосудов обнаружены на поселении Халлунда на оз. Меларен в южной Швеции. В топографии наиболее показательное размещение 35 поселений, где вскрыто около половины всей площади раскопок и получено около 83% всей керамики. Из них в устьях рек найдено 30, а в истоках 4 поселения. Причем выявлено, что поселения тяготеют к самому устью или истоку реки. Если последние заболочены, то памятники располагаются на близлежащих удобных участках реки выше устья или ниже истока, либо рядом на озерном берегу, на максимальном удалении до 2 км. Топография кратковременных пунктов сохраняет прежние приоритеты, но отличается большим разнообразием. Из 152 пунктов 87 находятся в приустьях, а 32 в истоках рек. Всего же в устьях и истоках рек выявлено 153 поселения, содержащие около 95% всей керамики. Если крупные и средние поселения привязаны, как правило, к крупным и средним водоемам, то мелкие пункты есть на небольших озерах. Остальные кратковременные поселения не имеют столь четкой связи с реками и располагаются на озерных мысах, берегах заливов и проливов, прибрежных островах. Данные по геотопографическому размещению поселений свидетельствуют, что население эпохи бронзы селилось преимущественно по берегам крупных и средних водоемов, отдавая предпочтение устьям и, в меньшей мере, истокам крупных рек. По мере удаления от озер памятники редели, а количество материала на них уменьшается. Кратковременные стоянки на проточных и водораздельных озерах в средних и верхних течениях рек не удалены от центральных водоемов далее, чем на расстояние 40-50 км, лишь в единичных случаях до 150-200 км. Из 187 поселений Северной России раскапывалось более 110, на 60 вскрыто свыше 100 м², всего раскопано около 21,5 тыс. м². Материалы с 70 поселений получены путем шурфовки и сборов. Почти половина вскрытой раскопками площади приходится на памятники бассейна Онежского озера, почти четверть на памятники Белого моря, затем по степени изученности идут поселения Каргополья, Белозерья и Ладоги. Поселений с чистыми комплексами эпохи бронзы или коллекциями с незначительной примесью других материалов немного. К ним относятся Под Сопкой, Усть-Рыбежна II в Приладожье, Пичево III, Усть-Водла I, II, V, Черная речка V, Бостилово II в Прионежье, Елменкоски, Сумозеро V в Прибалтике. Большинство пунктов заселялись неоднократно и содержат материалы разного времени в разных пропорциях от эпохи камня до эпохи средневековья. Исследователи отмечают неравномерность залегания материалов в раскопах, его концентрацию в местах бытовых центров внутри

и около построек, хозяйственных ям, очагов и кострищ. Следы от наземных жилищ в виде овальных и округлых линз темного песка размером от 3 до 6 м, с одним или двумя выходами, с очагами в центре найдены на поселениях Усть-Рыбежна II, Келка III, Елменкоски. Предполагается, что аналогичные жилища могли существовать на поселениях Изсады I, Олонка IV, Малой Суне IV, Охтоме I, Кудаме XI, Сомбоне I, где вокруг очагов и кострищ были найдены скопления материала эпохи бронзы. Такие легкие наземные постройки могли иметь вид чума с остовом из жердей. На ряде поселений выявлены многочисленные очаги, кострища и хозяйственные ямы этого времени. Материальная культура эпохи бронзы представлена керамикой, каменными и бронзовыми орудиями, остатками литейного производства. Керамика наиболее массовый, а на многослойных памятниках часто единственный, достоверно определяемый материал эпохи бронзы. Для ее анализа привлекались части от 1428 сосудов, выделенных из коллекций 159 памятников России и 22 памятников Финляндии. Важнейшими показателями посуды являются ее форма и орнаментация. Своеобразие типичной сетчатой керамики определяет взаимодействие трех генетических компонентов: фатьяновского, поздняковского, ямочно-гребенчатой керамики. Форма горшков редко восстанавливается полностью и в основу классификации положены типы, выделенные по верхним частям сосудов, что позволяет произвести статистические подсчеты по типам в отдельных комплексах, регионах и ареале в целом. Вся посуда делится на профилированную и непрофилированную. Среди профилированной посуды выделяются три вида. К первому относятся приземистые бомбовидные сосуды с раздутыми боками и резкой профилировкой, близкие аналогичным фатьяновским горшкам. Они распространены в большей степени в южной части ареала (до 70%) и меньше в северной (до 26%). Наблюдаются изменения и внутри вида. Наиболее архаичные формы сосудов преобладают на самом юге ареала в ранних комплексах (Белозерская, Келка III). Аналогии им можно найти в материалах территориально и хронологически близкого фатьяновского Волосово-Даниловского могильника 18-16 вв. до н. э. в Ярославском Поволжье. Второй вид представляют округлобокие плавнопрофилированные горшки, а третий - небольшие ребристые сосуды, сходные с поздняковскими. Их количество в разных регионах стабильно и колеблется в пределах 25 - 30%. Непрофилированные сосуды хуже других поддаются реконструкции. Среди них выделены два вида: сосуды усеченно-конической и баночной формы, а также сосуды полуяйцевидной и шаровидной формы. Первые широко распространяются в эпоху бронзы в лесной полосе. Их количество в ареале нарастает к северу от 3% в Белозерье до 17% в Беломорье и 24% в Финляндии. Немногочисленные полуяйцевидные и шаровидные сосуды Белозерья, Каргополя, Приладожья и южной Карелии имеют аналогии среди неолитической ямочно-гребенчатой керамики. Орнаментация также представляет собой сплав трех генетических традиций, правда доля участия в ее формировании разных компонентов неодинакова. Типично фатьяновские композиции из несомкнутых ромбов, вертикальных отрезков и др., в

сочетании с другими фатьяновским признаками, такими как лошение, примесь органики, резкой профилировкой, зафиксированы на относительно немногочисленных сосудах, которые не встречаются севернее широты оз. Онежского. В целом фатьяновские черты в орнаментике типичной сетчатой керамики выражены ощутимо слабее, чем в керамических формах. Поздняковские узоры из жемчужин, городков, мелких зубчатых штампов намного обильнее фатьяновских. Их доля в среднем составляет от 25% до 30%, уменьшаясь к северу. Многочисленные гребенчато-ямочные композиции имеют сходство с мотивами, широко распространенными в эпоху бронзы на памятниках лесной полосы Восточной Европы. Однако среди них выделяются неолитоидные композиции, восходящие к ямочно-гребенчатой посуде из косо поставленных оттисков гребенчатого штампа с ямками полушарной и конической формы, иногда выстроенных в шахматном порядке, композиции из уточек и реликтовых поясков ямок на тулове. Такие композиции шире представлены на юге ареала, особенно в Белозерье, Каргополье и южной Карелии. Общий вес неолитоидных композиций значителен и составляет почти треть от общего числа. В данном случае культурная традиция более отчетливо запечатлелась в орнаментике, чем в формах сосудов. Орнаментика типичной сетчатой керамики Северной России и Финляндии, как и ее формы, представляет устойчивый комплекс элементов, имеющих высокую степень сходства с формой и орнаментикой сетчатой керамики Верхнего Поволжья, что говорит об их единстве и общности происхождения. Более богато и разнообразно орнаментирована посуда южной части ареала, где она сохраняет больше архаичных черт и имеет более ранний облик. К северу и северо-западу орнамент упрощается и обедняется. Тулово большинства сосудов покрыто сетчатыми оттисками и, реже, штриховкой, выполненными преимущественно гребенчатым штампом. В тесто сосудов добавлялась дресва, песок, реже органика, а на севере асбест, тальк и слюда. Каменные орудия выделены на многослойных поселениях и поселениях с незначительной примесью инородных материалов. В их типах и технике обработки фиксируются традиции фатьяновской культуры и древностей северного неолита. Из крупных рубящих орудий сверленные молотки, черешковые и валиковые топоры из гранита и диабазы ведут свое происхождение от фатьяновских древностей. Кроме того, часть крупных рубящих сланцевых орудий с ранних памятников (Белозерская, Келка III) обработана нехарактерными для северного неолита приемами: сколами по всей поверхности и пикетажем, что также отражает фатьяновско-балановские традиции. Южными по происхождению, по-видимому, являются и сейминские наконечники стрел, неизвестные на Севере в более раннее время. Каменный инвентарь во многом сохраняет прежние традиции в наборе орудий и технике их обработки. Найдены листовидные наконечники стрел, дротиков и копий, многочисленные скребки, скобели, проколки, резчики, резцы, ножи и ножевидные пластинки, шлифовальные плиты и точильные бруски, отбойники, а также тесла, стамески и топоры, зашлифованные по всей поверхности. Крупные рубящие орудия изготовлены из сланца,

абразивы из кварцита и песчаника, прочие в основном из кремня и кварца. Специфическими для Севера в это время являются наконечники стрел беломорского типа с пильчатой ретушью по краям. Для каменной индустрии культуры типичной сетчатой керамики характерны высокая техника обработки орудий, дальнейший прогресс, заключающийся в возрождении старых (пикетаж) и появлении новых приемов обработки камня (пильчатая ретушь), расширения ассортимента орудий (сейминские и беломорские наконечники, сверленные молотки). Правда, как отмечали многие исследователи, количество рубящих орудий к финалу эпохи уменьшается, что связывают с появлением бронзовых кельтов. Известно 4 аозинско-меларских кельта и 4 литейных формы из талька для их отливки. Два кельта из Приладожья (Каукола и Валкьярви) являются случайными находками. Кельты с поселений Кудамы XI в Прионежье и Кинемы в Каргополье могут быть связаны с материалами эпохи бронзы - железа. Три литейные формы обнаружены в Северной Финляндии (Ала-Пааккола, Суопаярви, Салмониemi), одна на Кольском п-ове (Маяк II). Из них первые две являются случайными находками. На памятниках в Салмониemi и Маяке II формы связаны с керамикой эпохи бронзы или железа. В Среднем Поволжье подобные кельты датируются 8 — 6 вв. до н. э., на Севере они распространяются в конечный период своего существования (Кузьминых, 1983). Автор не исключает, что на Европейском Севере аозинско-меларские кельты используются несколько дольше, чем в Среднем Поволжье, где развитие культуры прекращается в 6 веке до н. э. Проникновение кельтов на Север может быть связано с потоком поволжской культуры, но, скорее всего, они стали проникать сюда несколько ранее. Остальные следы металлообработки малочисленны и представлены отдельными льячками, тиглями, слитками бронзы. Рассмотренные памятники образуют северную часть обширного ареала типичной сетчатой керамики и смыкаются с аналогичными памятниками Средней и Верхней Волги. Сетчатая керамика попала на Европейский Север в уже сложившемся виде, хотя самые южные районы (Белозерье) могли входить в зону ее формирования. Генетические компоненты (фатьяновский, поздняяковский, ямочно-гребенчатой керамики), общее исчезновение архаичных черт с юга на север однозначно свидетельствуют о южном верхневолжском происхождении керамики. Автор подтвердил мнение, которое до него уже высказывали другие археологи, но использовал для этого вывода более широкий круг источников. Он также предполагает, что исходным районом для образования культуры мог быть участок Волги, особенно ее правобережье, от Нижнего Новгорода до Ярославля и Костромы, где смыкаются территориально верхневолжские фатьяновские и поздняяковские древности. Финал ямочно-гребенчатой керамики изучен пока недостаточно, но ясно, что распространение волосовской культуры не привело к повсеместному ее исчезновению во всем огромном ареале. Очевидно, что на Европейском Севере типичная сетчатая керамика вышла из употребления не одновременно. Верхняя хронологическая граница по радиоуглеродным датам и времени финала

поздняковских и фатьяновских культур определяется примерно сер. 2 тыс. до н. э. или чуть более ранним временем. К самым ранним коллекциям Севера относятся материалы крупных поселений Белозерской, Келки III, Томицы и Усть-Рыбежны II. Памятники более поздней фазы культуры - первой половине I тыс. до н. э., содержат меньшее количество материала. Возмозно, это наблюдение отражает какие-то изменения в жизни дофинского населения. Например, изменение в демографической ситуации, переход к более мобильному образу жизни. Материалы самых северных поселений в Беломорье и Финляндии в массе своей более поздние. Поселения в низовьях р. Выг расположены на террасах субатлантического времени 8 - 6 вв. до н. э. Этим же временем по радиоуглероду датируется поселение Усть-Водла V. Поздний облик имеет керамика поселений Келка I, Бостилово II, Елменкоски. Финал культуры связан с проникновением поволжского потока культуры в сер. I тыс. до н. э. Многие ученые связывают генезис финских народов с развитием сетчатой керамики. Это мнение может быть справедливым, но для этого требуется доказать преемственность между сетчатой керамикой эпохи бронзы и сетчатой керамикой эпохи железа в Прибалтике и Поволжье, а также ее преемственность с более поздними древностями средневековья.

Во втором разделе третьей главы «К вопросу о происхождении южного финского компонента» дана характеристика культурной ситуации начала эпохи железа на пространстве от Среднего Поволжья до южного Белозерья и Посухонья. На основе археологического материала автор проследил миграцию поволжской культуры на север. В 8 - 6 вв. до н. э. на этой территории возникла контактная зона между культурно-историческими общностями сетчатой керамики с запада и ананьинской с востока. Многие археологи ассоциируют ананьинскую общность с предками пермских и части поволжских финнов, область сетчатой керамики - с прибалтийскими и поволжскими финнами. Эта контактная зона могла соответствовать языковому состоянию финно-волжской общности, когда предки поволжских и прибалтийских финнов, а также саамов (южный компонент) могли проживать в территориальной близости, на что указывает и близость их языков. В этой контактной зоне происходило смешение разных культурных черт и традиций, благодаря чему появились памятники, сочетающие в себе западные и восточные черты. Вся совокупность археологических, лингвистических и антропологических данных свидетельствует о том, что истоки южного саамского компонента находятся в Поволжье. Точкой отсчета в его продвижении на Север следует считать 6 в. до н. э., когда развитие культуры на Средней Волге прерывается, и наблюдается отток древностей в районы Верхней Волги и севернее. Следы этого продвижения отчетливо зафиксировались на некоторых городищах и селищах Костромского, Горьковского и Ярославского Поволжья, Верхней Сухоне и Нижней Шексне. Именно в Верхнем Поволжье и Посухонье лингвисты выделяют топонимию, свидетельствующую о существовании здесь древнемарийского, прибалтийско-финских, близких саамскому, и вымерших языков, которые

занимают промежуточное положение. Для того, чтобы проследить миграцию, автор дал обзор древностей начала эпохи железа с юга на север от Средней Волги до Посухонья. Выяснилось, что среди материалов некоторых костромских (Ватажка, Минское городище и др.), ярославских (городища у с. Городок и с. Городище и др.) поселений в 7 - 5 вв. до н. э. появляется ананьинская керамика, костяные орудия и бронзовые вещи, аналогичные средневожским. Становится очевидным, что в относительно короткий промежуток времени на некоторых поселениях начала эпохи железа в Верхнем Поволжье проявляются черты, свойственные древностям Среднего Поволжья. Причем этот культурный горизонт тонок и не повсеместен. В напластованиях 3 -2 вв. до н. э. ананьинских вещей уже нет. Учитывая эти факты, автор рассматривает верхневолжские памятники как следы кратковременного пребывания здесь населения из областей Среднего Поволжья. Ананьинская керамика и вещи в этом районе инородны и не связаны генетически с древностями эпохи бронзы. Какая-то часть средневожского населения могла остаться на Верхней Волге и быть ассимилирована. Другая часть вместе с верхневолжскими группами устремилась в менее заселенные северные районы. Культурный процесс на Верхней Волге пошел по пути развития дьяковских древностей. Далее на север подобные древности обнаружены на Верхней Сухоне (Векса I, Лиминская XIX - XX, Валявка). Они датируются по ананьинской керамике и довольно многочисленным металлическим вещам 8 — 6 вв. до н. э. и имеют сходство как с поволжскими, так и с южными позднекаргопольскими памятниками. По-видимому, именно в районе Верхней Сухоны южный финский поток окончательно разделился. Часть его осела, а другая приняла участие в формировании саамов. Во всяком случае, вместе с Верхним Поволжьем это именно та территория, где древнесаамское население могло призвать непосредственно перед проникновением далее на Север.

В третьем разделе третьей главы «Позднекаргопольская культура» охарактеризована первая культура общности эпохи железа (Косменко, 1992, 1993; Манюхин, 1989, 1991, 1996). Она возникает около сер. 1 тыс. до н. э. как результат взаимодействия двух групп древностей - местной северной культуры эпохи бронзы на финальном этапе ее развития и инородной, южной по происхождению, поволжской культуры начала эпохи железа. Предполагается, что первая принадлежала дофинскому населению, а носителями второй было население с древней финской речью. Таким образом, позднекаргопольскую культуру можно рассматривать как материальное отражение процесса формирования древнесаамского этноса. Ее возникновение и развитие запечатлело первые контакты, а затем и последующую интеграцию двух разных в культурном, языковом, и, скорее всего, в антропологическом отношениях групп населения. Выявлено 110 позднекаргопольских поселений в Белозерье, Каргополье и юго-восточной Карелии. В Карелии (Косменко, 1993) крупные поселения Илекса V, Охтома III, Сомбома I занимали площадь около 2000 м², но массовое скопление материала залегало на участках 200 - 500 м² у бессистемно расположенных

очагов. На Илексе V у одного очага была обнаружена бляшка 1-2 вв. н. э., у другого — наконечник ремня 5-7 вв. н. э. На Сомбоме I в скоплении керамики найдена бронзовая пьяноборская бляха и подвеска-лапка 2-3 вв. н. э. На Водобе II в Белозерье у очага вместе с позднекаргопольской посудой обнаружена часть бронзовой бляхи. На 14 средних поселениях площадь массового распространения находок была много меньше. На Муромском VII находки залежали в массе вокруг очага на расстоянии 2-4 м от него. В очаге были найдены обломки тиглей для плавки цветного металла, а в неглубокой лунке же лезный шлак. Скопления находок выявлены у очагов на поселениях Шеттима I, Шеттима II, у хозяйственной ямы на Келкозере. Кратковременные поселения имели небольшие размеры. Площадь поселения Иламостров около 100 м², Илексы VIII — м², на Нижней Колонже III фрагменты от одного сосуда и кальцинированные кости залежали вокруг кострища. Отметим также следы трех железоделательных горнов в виде трех лунок спекшегося песка со шлаками на поселении Ольский мыс в Каргополье. Явных следов жилищ не найдено. Предполагается, что они могли существовать в местах бытовых центров и, судя по концентрации находок вокруг очагов и кострищ на расстоянии 3-6 м, были наземными с легким каркасом из жердей типа саамской куваксы или чума. Распространение находок на поселениях вокруг бессистемно расположенных отдельных очагов и кострищ, слабая насыщенность находками пространства между ними, говорят не о длительности и непрерывности накопления остатков вследствие долговременного проживания в одних и тех же местах, а о периодическом их посещении в рамках определенного промежутка времени, иногда в течение эпохи железа и даже бронзы-железа включительно. Таким образом, крупные и средние позднекаргопольские поселения есть результат многократного посещения одного и того же места, а кратковременные — одного-двухкратного. Определенная цикличность накопления остатков свидетельствует о складывающейся цикличности в перемещениях населения, о сезонных кочевках в рамках определенной местности. Локальные различия позднекаргопольского материала в границах крупных водоемов свидетельствуют в пользу этого. Специфические особенности коллекций трех позднекаргопольских локальных районов: бассейна оз. Белое, озер Лача, Воже и Муромское, оз. Водлозеро позволяют предполагать, что существовали определенные коллективы, жизнь которых была связана с вполне определенными участками территории. В то же время, общее сходство позднекаргопольского материала свидетельствует об относительной изолированности этих отдельных групп. Отражает ли локальное членение деление по родовому или территориальному признаку, сказать трудно. Ясно однако, что численность жителей на одном поселении была невелика. Аналогичными были особенности накопления остатков и следы от конструкций, исключая железоделательные горны, на поселениях эпохи бронзы. Судя по геотопографии, типам поселений и остаткам конструкций, население эпохи железа вело подвижный образ жизни с присваивающим типом хозяйства. Многие особенности жизни,

хозяйственного уклада, скорее всего, были восприняты от дофинского населения. Новые природные условия должны были повлиять на хозяйственную специфику населения с юга, которое переняло часть из хорошо адаптированного к северным условиям хозяйственного комплекса абorigенов. Не случайно многие определения географической и хозяйственной лексики саамов заимствованы, поскольку первоначально у древнефинского населения не было понятий, связанных с северным хозяйством и природой. Территория саамской общности вписывается в ареал саамской топонимии, южная граница культуры совпадает с юго-восточной границей саамских топонимов. Имеются случаи прямого совпадения саамских названий и поселений эпохи железа. Концентрация саамской топонимии наблюдается в котловинах озер Андозеро, Воже, Азатское, Белое, Водлозеро, где сосредоточены и позднекаргопольские памятники. Многие саамские топонимы типа Чухченма - «Глухариный мыс», Чукшебой - «Глухариная река», чекш - «осенняя стоянка» и др. характеризуют саамов как кочевое население, что подтверждается и археологическими данными. Стратиграфия топонимических пластов: славянский - прибалтийско-финский - саамский - дофинноугорский, полностью совпадает со стратиграфией археологических культур: славянской - чуди и веси (средневековые) - позднекаргопольской - дофинской (подробнее об этом в гл. 2). Вещественные остатки представлены в основном керамикой, немногочисленными изделиями из бронзы и железа, кости и камня. В облике инвентаря прослеживаются особенности субстратной культуры сетчатой керамики и поволжских древностей, причем вторых больше. Основная категория позднекаргопольского материала керамика. Из общей массы фрагментов выделены части 2326 сосудов. Удалось определить части от 299 сосудов, реконструируемых более или менее полно. Они принадлежали горшкам средних и крупных размеров двух типов. Первый имеет форму низкого котла или чаши с диаметром устья, превышающим высоту, и составляет в выборках Белозерья и Каргополя около 85%, а в Карелии около 90%. Второй тип представлен плоскодонными горшками. Сосуды первого типа находят близкие аналогии на памятниках начала эпохи железа в Посухонье, Верхнем и Среднем Поволжье. Небольшая часть из них имеет аналогии в местной сетчатой керамике. Плоскодонная посуда имеет сходство преимущественно в сетчатой керамике Верхней Волги, в том числе и среди дьяковских сосудов. Количественное распространение типов посуды выявляет преобладание форм, связанных с влиянием поволжского населения. На 8% сосудов зафиксированы валики и «воротнички», являющиеся характерным ананьинским признаком. Прослеживается взаимосвязь этих деталей оформления посуды с ананьинскими орнаментами (шнур, каннелюры), с которыми сочетаются 70% валиков и более 50% «воротничков». Скошенные внутрь венчики (9%) восходят к традиции местной сетчатой керамики, около 40% их коррелирует с орнаментами, генетически связанными с эпохой бронзы. Поверхность позднекаргопольской посуды штрихованная, реже гладкая, в единичных случаях сетчатая. В тесто

добавлялись песок и дресва. Орнаментировано 95% сосудов. Узоры расположены в верхней трети горшков, в одном случае на днище. Сочетание разных по происхождению стилей привело к богатству и разнообразию позднекаргопольской орнаментики. Несмотря на гибридный характер части орнаментов, исходные группы узоров южного и северного компонентов прослеживаются отчетливо. По структурно-техническим особенностям выделяются четыре группы узоров. В первую входят ананьинские и производные от них узоры. Первый вид представлен типично ананьинскими шнуровыми орнаментами в виде шнуровых оттисков на 422 сосудах (18%). Количество подобных орнаментов уменьшается от Белозерья (49,7%) к Карелии (9,4%), что указывает на их южное происхождение. Для всех шнуровых композиций характерны горизонтальность и зональность, что сближает их с посудой Среднего и Верхнего Поволжья, Посухонья. Всего 5 сосудов имеют узор в виде волны. Сложные геометрические композиции в виде зигзагов, треугольников, характерные для ананьинской посуды Прикамья, отсутствуют. Особое внимание следует обратить на факт совместной встречаемости на одних и тех же сосудах различных по своему происхождению узоров: шнура и вдавлений типа «кошачьей лапки», «древесной шишечки», «лыжной палки», связанных с сетчатой керамикой начала эпохи железа Костромского и Ярославского Поволжья. Откуда они затем попадают в Посухонье и севернее. Шнуровой орнамент встречается на круглодонных сосудах, в единичных случаях на плоскодонных горшках. Второй вид представляют сосуды, орнаментированные узким зубчатым штампом, украшенные валиками и «воротничками». Эти орнаменты встречаются в среднем на 3,5% сосудов во всех районах, отмечены только на круглодонных горшках. Сосуды третьего и четвертого видов представляют собой местные модификации шнурового орнамента из оттисков проташенного штампа и каннелюр. Число их последовательно возрастает от Белозерья и Каргополя к Карелии. От единичных сосудов на юге до многих десятков горшков на севере. Именно они вместе с другими культурными признаками ограничивают ареал позднекаргопольской культуры с юга от родственных им верхнесухонских поселений. Композиции с проташенным штампом и каннелюрами получают более широкое распространение в родственной позднекаргопольской культуре лууконсаари, граничащей с ней с запада и северо-запада. Вторую орнаментальную группу составляют гребенчатые композиции, отмеченные в среднем на 25% сосудов. Узоры с гребенчатым штампом представлены в местной сетчатой керамике и ананьинской посуде южных территорий. Среди шнуровой и сетчатой керамики Посухонья и Верхнего Поволжья гребенчатый штамп не получил широкого распространения, что, вместе с характером орнаментации, позволяет связывать большинство подобных композиции с традицией местной сетчатой керамики. В этой группе гораздо меньше валиков и «воротничков», больше скошенных венчиков, восходящих к местной сетчатой посуде. Третью и четвертую группы составляют относительно простые композиции из одного-двух мотивов орнаментов. В них наиболее

ощутимы признаки распада целостных композиций на отдельные составляющие, гибридизация. Выявляются сосуды с поволжской и местной традициями. Особо выделим сосуды без орнамента. Их количество нарастает с юга (2,4%) на север к Карелии (8,4%). Таким образом, позднекаргопольская керамика представляет собой сплав двух культурных традиций. В ней отчетливо прослеживаются черты южного компонента (ананьинская и сетчатая керамика Поволжья) и северного компонента местной сетчатой керамики. Первый компонент является основным и ведущим во всех позднекаргопольских районах, причем узоры, связанные с сетчатой керамикой Верхневолжья, наиболее отчетливо представлены в Каргополье, ананьинские узоры в Белозерье, а традиции местной сетчатой керамики в Карелии, что позволило выделить три локальных района в позднекаргопольском ареале. Первый объединяет памятники Белозерья, второй - памятники, расположенные на оз. Лача, Воже и Муромское в Каргополье и у юго-восточного побережья оз. Онежского, третий - памятники оз. Водлозера. Белозерские памятники характеризуются большим количеством керамики со шнуровой орнаментацией (49,7%) и слабым развитием узоров типа проташенного штампа и каннелюр (2,5%). Здесь мало узоров в виде гребенчатого зигзага в рамке, резных поясков, скошенных внутрь венчиков, восходящих к сетчатой керамике эпохи бронзы. В онежско-каргопольском варианте доля шнуровых композиций сокращается до 18,1%, а доля трансформированных элементов возрастает до 7,6%. Здесь также больше узоров, связанных с сетчатой керамикой Верхневолжья (до 10%). В водлозерском варианте доля шнура уменьшается до 9,5%, а доля его местных модификаций возрастает до 11,4%. Здесь больше всего композиций и деталей, связанных с местной сетчатой керамикой эпохи бронзы (11-12%). Общая характеристика керамики и ее локальное членение позволяют сделать ряд основополагающих выводов. Сходство посуды Белозерья, Каргополья и Карелии с керамикой начала эпохи железа поселений Среднего, но особенно Верхнего Поволжья и Посухонья, ясно указывают на исходные районы и время появления новых типов посуды на Севере. Их распространение в столь значительных масштабах можно объяснить появлением нового населения, которое является, по мнению автора, одним из двух основных компонентов саамского этногенеза. Сходство части керамики с местной сетчатой посудой эпохи бронзы позволяет говорить об участии второго местного компонента в сложении позднекаргопольских древностей. Локальное членение позднекаргопольской культуры дает нам возможность реконструировать процесс взаимодействия двух разных групп населения. В этом смысле Белозерье предстает как район первых контактов, а зона Каргополья, и особенно Карелии, как районы их более тесного сближения и взаимодействия. Присутствие в одних и тех же комплексах посуды с чертами север-юг говорит о смешении разного населения. Позднекаргопольская посуда является синтезом разных культурных традиций. В ней больше южных, нежели северных, черт. На саамскую принадлежность позднекаргопольской общности, вместе с данными лингвистики и

топонимики, указывает и явное сходство орнаментов эпохи железа с саамскими орнаментами 19-20 веков. А. П. Косменко (1993) выделяет в саамской орнаментике древнейший слой геометрических орнаментов, имеющих многочисленные параллели в археологических культурах позднекаргопольской и лууконсаари. Причем это сходство отмечается не только на уровне отдельных элементов, но также мотивов и композиций. Это положение указывает на время и территорию формирования тех идей и образов, которые сумели сохраниться на протяжении 2 тысяч лет и вошли в современное саамское искусство. Костяные вещи эпохи железа сохранились только на торфяниковых поселениях оз. Воже и Лача. Они представлены разными изделиями, имеющими сходство с орудиями других культур этого времени лесной полосы, в частности ананьинской и дяковской. Костяные предметы эпохи бронзы неизвестны, поэтому в обработке кости невозможно уловить навыки и традиции дофинского населения. Наиболее многочисленны костяные наконечники стрел (22), имеющие аналогии среди подобных изделий южных культур. Два гарпуна с муфтами с Веретья тоже относятся к типичным орудиям эпохи железа. Типичными для дяковской культуры являются костяные рукояти с грибовидным и отогнутым навершием (9), частично украшенные характерными узорами. Имеются также простые рукояти (7) и три части от составных рукоятей, немногочисленные крючки (2), орнаментированные костяные пластинки (3) и острие. Каменный инвентарь представлен с однослойного поселения Яглоба, а также поселений, где ранние комплексы очень бедны (Кевасалма, Келкозеро, Малая Пога I). Найдены скребки, наконечники стрел и точильные бруски, а также молот с Илексы V с изображенным на нем «ромбом с крючками». Такой узор встречается на некоторых позднекаргопольских сосудах и костяном острие с Веретья. Металлические вещи и предметы металлургического производства найдены на крупных и некоторых средних поселениях у бытовых центров в местах массового скопления материала. Бронзовые вещи, по данным спектрального анализа, изготовлены из привозного металла. Нагрудная бляха с Сомбомы I, поясные накладки с Илексы V, Шеттими I относятся к пьяноборскому времени 1-2 вв. н. э. На Илексе III найдены две целые и обломанная подвески-лапки. Точно такая же лапка, но более крупная по размерам, обнаружена на Сомбome I. Эти подвески были широко распространены в Прикамье в 3-5 вв. н. э. Наконечник ремня с Илексы V является одной из характерных вещей ломоватовской культуры и датируется 5-6 вв. н. э. С Илексы III происходит также бляха с изображением трех медведей, которая может датироваться 5-7 вв. н. э. С Водобы I имеется часть бронзового украшения 5-8 вв. н. э. Обращает на себя внимание факт почти полного отсутствия литейных форм для бронзовых украшений. Единственным исключением является литейная форма для отливки двух ложноплетеных колец с волутами, датируемая около сер. 1 тыс. н. э., но это случайная находка из г. Каргополя. С Илексы V происходит также бусина 5-7 вв. н. э. К числу обычных для позднекаргопольской культуры находок относятся более 20 обломков литейных форм для изготовления круглого в

сечении дрота. Они имеют широкое распространение в эпоху железа, в том числе на памятниках этого периода Верхней Волги, Посухонья. Распространение таких форм на Севере можно связывать с потоком поволжской культуры. К предметам литейного производства относятся также тигли, льячки, сосуды со следами плавки металла. Общее количество бронзовых вещей невелико и контрастирует с другими категориями инвентаря. Украшения и поясная гарнитура появляются довольно поздно после рубежа н.э. и, по-видимому, происходят из Прикамья. Хотя железные орудия единичны, найдены два ножа на поселениях Муромское VII и Ольский мыс, этот металл получил у позднекаргопольского населения довольно широкое распространение. Об этом свидетельствуют остатки трех железодельных горнов на поселениях Илекса V, Муромское VII и Ольский мыс, а также железные шлаки. Наиболее ранние позднекаргопольские комплексы относятся к 6-5 вв. до н. э. Первая позднекаргопольская керамика имеет близкое сходство с посудой поселений Посухонья и Верхней Волги, где найдены изделия 6-5 вв. до н. э. Верхняя дата культуры по бронзовым вещам относится к 5-7 вв. н. э. Культура в разных локальных районах могла закончить свое существование не одновременно. Больше всего позднего материала встречается на памятниках оз. Водлозера.

В четвертом разделе третьей главы «Культуры кьельмо и лууконсаари» дана характеристика двух культур, которые многие исследователи в России и за рубежом рассматривают как саамские. В начале главы дан общий обзор по этногенезу саамов в археологии Финляндии, Скандинавии и России. Все концепции можно разделить на автохтонные и миграционные. Наиболее уязвимы для критики автохтонные концепции (Г. А. Панкрушев, Н. Н. Турина, М. Нуньес, К. Мейнандер, П. Симонсен и др.), где саамы рассматриваются как прямые потомки мезо-неолитического населения. В настоящее время нигде на Севере Восточной Европы не удастся проследить преемственность культурного развития от эпохи камня до средневековья. Накопление археологических данных выявляет культурную неоднородность и периоды, слабо освещенные археологическими источниками. Данные топонимии однозначно свидетельствуют, что финны не были древнейшим населением этой территории. Становление антропологического типа лопарей также нельзя относить к эпохе камня. Прочие гипотезы по своему содержанию и системе доказательств более вариабильны. С общими положениями многих из них можно согласиться. Археологи (Э. Боду, Б. Ольсен и др.) правильно отмечали наличие в археологическом материале черт север-юг, сплав местных и инородных, в интерпретации зарубежных археологов «русских», традиций. Но сам механизм этого взаимодействия не мог быть для них раскрыт полностью, поскольку зарубежные исследователи не владеют археологическими, лингвистическими и антропологическими материалами из России, и весь процесс проникновения и изменения поволжской культуры оказывается для них скрытым. В распоряжении зарубежных исследователей находятся

памятники маргинальной зоны родственных культур эпохи железа, что мешает увидеть общую картину, сложившуюся на обширной территории от Поволжья до Ледовитого океана. Поскольку общая по своим особенностям и происхождению посуда эпохи железа Северной и Восточной Фенноскандии изучалась в разное время российскими, финскими, шведскими и норвежскими исследователями, в каждой стране сложились свои представления о ее типологии и классификации, возникли свои «национальные» названия. Общая картина при этом путалась и дробилась. Поэтому автор рассмотрел методику работы с древней посудой и принципы ее классификации в разных странах. В результате выяснилось, что многие местные типы керамики эпохи железа не представляют собой обособленных групп, а относятся к типам лууконсаари и кьельмо. Керамика лууконсаари отражает вторую фазу проникновения поволжской культуры на север, а кьельмо - третью. Между разнокультурными памятниками выявляются переходные зоны, где встречаются родственные типы посуды и их гибридные разновидности. Процесс изменения керамики с юга на север носит последовательный и плавный характер, когда постепенно утрачиваются старые черты и возникают новые. Восточные истоки культур лууконсаари и кьельмо, также как и их культурную близость, отмечают многие западные исследователи (Carpelan, 1979; Olsen, 1984). Обращает на себя внимание, что при большей территории распространения общая численность керамики в культурах лууконсаари и кьельмо существенно сокращается. Культура лууконсаари в Финляндии описана главным образом в трудах К. Ф. Мейнандера (Meinander, 1954, 1969) и трудах К. Карпелана (Carpelan, 1979), в Карелии М. Г. Косменко (1992, 1993, 1996). Для ее характеристики автор использовал материалы 65 поселений Севера России и 21 памятника Финляндии. Общее число поселений лууконсаари достигает 140 - 150. Ареал культуры охватывает Западную и Северную Карелию до р. Кеми, Восточную и Северную Финляндию до оз. Кемиярви и р. Оулуйоки. При сравнении позднекаргопольских памятников и поселений лууконсаари заметна существенная разница в источниках. Так, на 110 позднекаргопольских памятниках обнаружены части от 2326 сосудов, а на 86 поселениях лууконсаари — 444. Здесь нет крупных поселений. Только Кудама XI содержит 90 сосудов, Лахта II - 25, Пичево - 24, Горелый Мост - 16, столько же Кудомы X, Бохта — 12, Лахта I — 10. В Финляндии только одно поселение Нимисьярви содержит обломки 20 сосудов. В основном на памятниках найдено 1-3 сосуда. Топография поселений лууконсаари близка топографии поселений позднекаргопольских и с сетчатой керамикой эпохи бронзы. В устьях рек при впадении их в озера зафиксировано 47 пунктов, в том числе все памятники с количеством сосудов более 10. Известны поселения как в устьях крупных рек - Выга, Суны, Шуи, так и небольших — Бохта, Куржа, Сулгу. Количество памятников в истоках рек невелико (5). Двадцать поселений в Центральной и Северной Карелии находятся на берегах озер в заливах, проливах и изредка на островах. Как и население эпохи бронзы и позднекаргопольское, население лууконсаари избегало

селиться непосредственно на берегах крупнейших водоемов, таких как оз. Ладожское и Онежское, заселяя территории, примыкающие к ним, отдавая предпочтение средним и небольшим озерам, связанным с более крупными. Особенно следует отметить группу памятников на Белом море в низовье р. Выг. Можно предполагать, что лопари впервые попадают на Белое море в эпоху железа и проживают здесь, по данным карельских письменных источников, по крайней мере, в 16-17 вв. В Финляндии поселения тяготеют к крупным озерно-речным системам: оз. Сайма и р. Вуоксе, оз. Кемиярви с р. Кемийоки, оз. Оулуярви с р. Оулуйоки и др. Названия некоторых мест поселений лууконсаари, также как и позднекаргопольских, сохранили до наших дней саамскую топонимию: Кудама, Черанга, Энонсу и др. С культурой лууконсаари следует связывать начало формирования саамской топонимии на большей части Карелии и Финляндии. Остатки сооружений на поселениях лууконсаари немногочисленны и в литературе уже описаны (Косменко, 1992). На Кудаме XI зафиксировано скопление керамики на площади около 600 м², найдены бронзовые украшения пьяноборского времени и два железных кельта. Здесь обнаружено единственное в культуре погребение с сосудом лууконсаари, бронзовой бляхой и железным кельтом. На средних поселениях Кудома X и Пичево найдены очаги, окруженные скоплениями керамики, размерами 4-6 м. В этих местах могли существовать жилища легкой наземной конструкции, как и в случае с похожими скоплениями материала на памятниках эпохи бронзы и позднекаргопольских. На поселении Пичево, кроме того, были обнаружены остатки двух железодельных горнов в виде неглубоких лунок, аналогичных горновым ямкам позднекаргопольских поселений. Подавляющее большинство памятников лууконсаари являются кратковременными поселениями. Они оставлены населением с кочевым образом жизни и присваивающей экономикой. Судя по общей массе остатков, количеству и величине поселений, население культуры лууконсаари было малочисленнее позднекаргопольского. Оно кочевало по крупным озерно-речным системам небольшими группами, состоявшими, скорее всего, из родственников, что наблюдается у саамов и в более позднее время. Взаимосвязь саамских памятников с водными объектами зафиксирована и в саамской топонимии Карелии. На ее территории насчитывается около 800 гидрологических объектов, этимологизирующихся средствами саамского языка (Лескинен, 1967). Вещественный материал представлен керамикой, каменными орудиями, бронзовыми и железными вещами, остатками литейного производства. Автором выделены части от 326 сосудов с 65 памятников Северной России и 118 сосудов с 21 памятника Финляндии. При характеристике посуды особое внимание было обращено на процесс последовательного изменения облика посуды с юго-востока на северо-запад, от Карелии к Финляндии. Сокращение общего количества посуды лууконсаари по сравнению с позднекаргопольской привело к сокращению керамических форм, обеднению и упрощению орнамента, большей стандартизации при сохранении главных особенностей, свойственных двум

исходным ее компонентам. О формах керамики можно судить по 75 более или менее полно реконструированным сосудам. Прослеживается постепенное вытеснение круглодонных горшков плоскодонными сосудами. На крайних западных поселениях такие плоскодонные сосуды доминируют. Исчезают постепенно и восточные детали оформления посуды - валики и «воротнички». Если на 1010 сосудах Водлозерья отмечено 96 таких деталей, то на 326 сосудах лууконсаари в Карелии 32, а на 118 сосудах Финляндии всего 2. В керамике лууконсаари начинает широко применяться примесь местных минералов: асбеста, талька, слюды. Ее содержит около половины сосудов Карелии и почти вся керамика Финляндии. Регрессивные изменения наблюдаются и в орнаментации. Сокращается число орнаментированных сосудов с 97,6% на позднекаргопольских поселениях Белозерья до 92,6% в юго-восточной Карелии и около 90% в керамике лууконсаари. В последнем типе начинают наносить орнамент на плоские днища. Сокращается число орнаментированных венчиков от 27% на позднекаргопольских сосудах до 15% на карельских и 12% на финских памятниках лууконсаари. Существенные изменения происходят в первой, восточной по происхождению, группе орнаментов. Резко сокращается количество посуды со шнуром от 422 сосудов в позднекаргопольской орнаментике до 10 сосудов на памятниках лууконсаари в Карелии и до 2 сосудов в Финляндии. Зато резко возрастает число сосудов, украшенных проташенным штампом и каннелюрами, от 11,8% в юго-восточной Карелии до 37% в карельских и финских комплексах лууконсаари. Во второй группе, связанной большей частью с традициями местной эпохи бронзы, также произошли изменения. Гребенчатые оттиски здесь все больше заменяются резными. Композиции становятся проще и беднее. В 3 и 4 группах, представленных орнаментами из одного-двух мотивов, также происходит сокращение числа элементов и обеднение композиций. Все показатели, таким образом, позволяют рассматривать керамику лууконсаари как родственную и генетически связанную с позднекаргопольской посудой. Керамика двух культур демонстрирует постепенное плавное изменение по ходу распространения поволжской культуры от Белозерья до северных Карелии и Финляндии. Подобные процессы могут свидетельствовать о постепенном освоении древними саамами указанной территории. Каменные орудия эпохи железа выделены на поселениях Пичево и Кенто IV. Среди них преобладают скребки, есть скобели, долотовидные орудия из кварца, кремневые листовидные наконечники стрел с прямым основанием, проколка, немногочисленные крупные рубящие орудия из сланца. Каменный инвентарь близок таковому на поселениях эпохи бронзы, но заметен его регресс, выразившийся в сокращении набора орудий и их числа. Металлические изделия описаны вместе с изделиями культуры кьельмо.

Культура кьельмо распространена на большой территории Северной Фенноскандии, включая север Карелии, Норвегии, Швеции, Финляндии и Кольский п-ов. Известно около 150 памятников этой культуры, в том числе могильник и несколько захоронений. Степень изученности отдельных

регионов позволяет дать лишь общую характеристику культуры. В Северной Карелии обнаружено 9 поселений с керамикой кьельмо, на Кольском п-ове 9 поселений и Оленеостровский могильник, в Северной Финляндии 40 пунктов, в Северной Швеции 64 пункта, в Северной Норвегии 35 пунктов и 6 захоронений (Косменко, 1996; Турина, 1997; Hulthen, 1991; Jorgenson, Olsen, 1988). По сравнению с поселениями лууконсаари, памятники культуры кьельмо выглядят более бедными. В большинстве случаев это кратковременные стоянки с единичными сосудами. Общее количество находок невелико. Поселения подразделяются на приморские, расположенные на побережье Баренцева моря в Норвегии и Мурманской области (29), и находящиеся во внутренней материковой части по озерно-речным системам. Их топография полностью сходна с топографией поселений позднекаргопольских и лууконсаари. Сведения о сооружениях на поселениях кьельмо немногочисленны. Несколько фрагментов керамики были обнаружены в одном из жилищ прямоугольной формы в Мортеннесе в Варангерфиорде. Отдельные фрагменты посуды найдены также в 4 могилах той же местности Мортеннес, двух могилах в Барнсьярде и Квалнесе в Варангерфиорде в Норвегии. Керамику нашли вместе с костяками, железными ножами и единичными каменными орудиями. Все исследователи подчеркивают, что находки из Варангерфиорда принадлежат к конечной фазе культуры кьельмо. К данной культуре принадлежит и часть погребений Оленеостровского могильника в Кольском заливе. Черепа из Варангерфиорда и Оленеостровского могильника оцениваются антропологами как древнесаамские. Вещественный материал кьельмо содержит керамику, каменные, костяные, бронзовые и железные вещи. Керамика кьельмо, как и лууконсаари, содержит примесь асбеста, талька и слюды. Немногочисленные полностью реконструированные сосуды (8) имеют круглое и плоское дно. Орнаментация керамики кьельмо еще более бедная и однообразная. Преобладают орнаменты западного типа из прочерченных гребенчатых композиций в виде зигзагов, пересекающихся или прямых параллельных линий. Встречаются сосуды с поясками наколов в верхней части. От половины до трех четвертей посуды в зависимости от памятников и разных территорий не орнаментировано вовсе. Таким образом, посуда арктического типа представляет собой наиболее редуцированный вариант древнесаамской керамики эпохи железа. Ее сходство с керамикой лууконсаари и позднекаргопольской очевидно. Ряд коллекций (Бохта, Софьянга в Северной Карелии) содержит переходные черты от керамики лууконсаари к кьельмо. На памятниках данной культуры обнаружены каменные и костяные орудия. Найдены скребки, наконечники стрел, молоты, грузила из кварца, кварцита и кремня. Все исследователи отмечают регресс каменной индустрии по сравнению с более ранним временем. Сокращается набор каменных орудий, нет крупных рубящих орудий, падает техника обработки камня. Из костяных орудий найдены рыболовные крючки, гарпуны с муфтой, наконечники стрел, рукояти для железных ножей. Часть изделий сходна с позднекаргопольскими костяными вещами. Распространение на Севере Восточной Европы

поволжской культуры привело к широкому распространению ананьинских бронз и традиций их изготовления. Значительное количество таких вещей найдено в пограничных между культурами лууконсаари и кьельмо районах, что делает целесообразным их совместное рассмотрение. Наиболее многочисленными являются ананьинские и близкие им кельты и литейные формы. В Северной Фенноскандии известно 7 ананьинских кельтов, 23 литейные формы и часть сердечника для производства топоров. К северу от Волго-Камья такого количества орудий нет нигде. А по числу литейных форм Фенноскандия даже опережает центральные районы ананьинской общности. Больше всего таких орудий - 4 кельта, 14 литейных форм и часть сердечника - найдено в Финляндии, 3 кельта и 5 литейных форм известны в Швеции, 3 литейных формы происходят из Карелии, одна литейная форма из Норвегии. Все литейные формы, за исключением двух глиняных, сделаны из талько-хлоритового сланца. Только один кельт происходит из клада на о. Инари. Остальные являются случайными находками. Литейные формы на поселениях Вонка II, Силанкорва, Нейтиля IV в Финляндии, Сандуден в Швеции, Местерсанден в Норвегии, Калмистонмяки в Ленинградской обл., Лахте II и Елменкоски в Карелии обнаружены вместе с посудой кьельмо или лууконсаари, иногда с той и другой (2 случая). Северные топоры, как и топоры Волго-Камья, сохраняют все черты своего класса. Местное их своеобразие проявляется в декоре. В 14 случаях удалось сопоставить изделия Фенноскандии с типами, выделенными С. В. Кузьминых (1983) в ананьинской культуре. Среди северных топоров нет кельтов, характерных для восточных районов общности, а представлены либо общие типы, либо типы, характерные для Волго-Камья. Хронологически они укладываются в рамки 8-6 вв. до н. э. Некоторое своеобразие декора северных топоров указывает на более позднее их существование по сравнению с классическими ананьинскими. Вероятно, они могли существовать вплоть до появления железных кельтов на рубеже эр. К ананьинским относятся обломок наконечника копья из Сорхейма в Швеции и бронзовые гривны из клада на о. Инари. Глиняные формы для отливки круглого в сечении дрота представлены 11 экземплярами на поселениях лууконсаари и кьельмо. Более 20 подобных форм найдено на позднекаропольских памятниках. Два железных меча из Савукоски в Финляндии относятся к 5 в. до н. э. Это первые железные орудия в Северной Фенноскандии. Их появление связано с продвижением поволжской культуры. Многие западные исследователи полагают, что именно поволжская культура принесла на Север знания о производстве железа. Во всяком случае, именно на позднекаропольских и поселениях лууконсаари найдены древнейшие в регионе железодельные горны. Появляются железные ножи с костяными рукоятями. В первых вв. н. э. начинают распространяться железные кельты (Кудаме XI, Бохта II, Амансаари). На Кудаме XI и Лахте I найдены пьяноборские бляшки 1-2 вв. н. э. На памятниках Норвегии и Швеции получена серия радиоуглеродных дат с керамикой кьельмо. Большинство из них падает на период с 700 по 100 гг. до н. э. Финские исследователи помещают посуду кьельмо в промежуток с 500

гг. до н. э. до 300-400 гг. н. э., а норвежские от 800 гг. до н. э. до 300 гг. н. э. Сравнение радиоуглеродных дат и хронологии металлических вещей показывает, что самые ранние памятники кельмо едва ли могут быть датированы ранее 6 в. до н. э., а самые поздние 1-2 вв. н. э. Хотя не исключена и несколько более поздняя дата существования этой культуры.

В заключении подведены итоги работы. В диссертации изложена и аргументирована новая теория автора об этногенезе саамов, по которой в их становлении участвовали два основных генетических компонента: северное европеоидное дофинское население культуры типичной сетчатой керамики и древнефинское европеоидно-монголоидное население из поволжского региона. Начало процесса генезиса саамов совпадает с проникновением на Европейский Север в 6-5 вв. до н. э. поволжской культуры. В результате контактов поволжской и местной культур образовалась древнесаамская общность из трех родственных культур: позднекаргопольской, лууконсаари и кельмо, занимавшая обширные пространства на Севере Восточной Европы, включая Белозерье, Каргополье, Карелию, Восточную Финляндию, Кольский п-ов, север Швеции и Норвегии. Возникновение и распространение археологических культур совпадает с возникновением саамского языка, распространением саамской топонимии, становлением лопарского антропологического типа. Этот общий результат был достигнут с помощью поэтапного рассмотрения антропологических, лингвистических и археологических материалов и совокупности промежуточных результатов, имеющих самостоятельную научную значимость.

В области антропологии автор на основании сопоставления палеоантропологических и археологических материалов пришел к выводу, что на Севере Восточной Европы нет фактов, свидетельствующих о формировании лапоноидного типа в эпоху камня. Все данные позволяют относить его становление к эпохе железа и указывают на связь палеоантропологических серий этого времени с монголоидными черепами из ананьинских могильников Волго-Камья. Данные антропологии свидетельствуют о наличии у саамов уникальных древних реликтовых североевропейских особенностей и черт, роднящих их с другими уральскими народами. Все это позволяет говорить о формировании саамского антропологического типа в эпоху железа на основе участия в его расогенезе северного европеоидного населения и поволжского европеоидно-монголоидного населения.

Материалы языкознания и топонимии свидетельствуют о наличии двух генетических компонентов в образовании саамского языка: уникального дофинского языка и древнефинского языка, родственного уральским языкам, в особенности языкам прибалтийско-финским и поволжским. Сопоставление лингвистической стратиграфии формирования пластов дофинской, саамской, прибалтийско-финской и славянской топонимии с последовательностью формирования археологических культур на Севере России, а также совмещение ареалов и геотопографии древностей эпохи железа с саамской топонимией на макро- и микроуровнях, позволили сделать вывод о

принадлежности саамской топонимии в Межозерье к позднекаргопольской культуре и определить ее носителей как саамов. На основании языковых и археологических данных были в общих чертах определены ареалы дофинского (северный компонент) и древнефинского (южный компонент) населения. Сопоставление древнейших балтийских и германских заимствований с уровнем материальной культуры древних саамов позволило отнести их проникновение в язык лопарей к эпохе железа, что определило и время отделения саамского языка от прибалтийско-финских языков.

На базе археологических источников автор представил связную картину процессов, протекавших на Севере Восточной Европы в эпоху бронзы и железа. Была дана характеристика культуры типичной сетчатой керамики Северо-Запада России и Финляндии, принадлежавшей дофинскому населению. Выяснено, что эта культура проникла на Север в сложившемся виде из Верхневолжья в сер. 2 тыс. до н. э., хотя южная часть рассматриваемой автором зоны (памятники южного Белозерья), могла входить в ареал формирования сетчатой керамики. Все данные говорят о подвижном образе жизни населения и присваивающем типе их экономики. Подробно охарактеризованы геотопография, остатки конструкций и вещественный материал этого времени. Финал культуры типичной сетчатой керамики связан с проникновением на север поволжской культуры в сер. 1 тыс. до н. э.

Автором рассмотрены древности начала эпохи железа Среднего, Верхнего Поволжья и Посухонья. На этих материалах автор постарался проследить миграцию поволжского населения на Север. По его мнению, в материале ряда памятников в Костромском и Ярославском Поволжье, Посухонье отразилось движение поволжской культуры вверх по Волге в сторону Белозерья.

В результате контактов поволжской и местной культуры сетчатой керамики от Белозерья на юге до Ледовитого океана на севере сформировалась единая историко-культурная общность из родственных культур позднекаргопольской, лууконсаари и кьельмо. Они принадлежали населению, ведущему подвижный образ жизни с присваивающим хозяйством. Существовали в хронологических рамках от 6-5 вв. до н. э. до 1-2 вв. н. э., а в случае с позднекаргопольской культурой, - 5-7 вв. н. э. С этими культурами на Севере связано распространение обработки железа и появление первых железных орудий, ананьинских кельтов и литейных форм, гибридной керамики, сочетающей в себе особенности ананьинской и сетчатой керамики Поволжья, а также местной керамики эпохи бронзы. Прослеживается уменьшение количества вещественных остатков к северу, плавное и последовательное изменение облика материальной культуры с юго-востока на северо-запад. По мнению автора, основные события этногенеза саамов приходятся на эпоху железа, которая является временем единства саамской культуры и территориального максимума расселения саамов. В последующее время некогда единая саамская культура начинает дробиться. После середины 1 тыс. н. э. саамы окончательно переходят к

кочевому образу жизни, прекращают производство керамики и металлических орудий. Их материальная культура этого времени представлена редкими металлическими изделиями финских, северогерманских и общеевропейских типов. С эпохи средневековья (10-14 вв.) в Фенноскандии появляются немногочисленные саамские поселения и могильники. Хронологический разрыв между древностями эпохи железа и средневековья прослеживается только на уровне материальной культуры. В антропологических и лингвистических источниках этот разрыв не ощущается вовсе. Нет и данных, свидетельствующих о продвижении на Север какой-то иной культуры во второй половине 1 тыс. н. э. По мнению автора, саамские древности разного времени и разных районов Фенноскандии объединяет культ сейдов, существовавший в саамском регионе с эпохи железа до 19-20 вв. С ним связаны находки кладов и отдельных вещей, устойчивые традиции жертвоприношения и поклонения, легенды, поверья, зафиксированные во многих исторических, этнографических, фольклорных источниках. Обобщающую характеристику культовые памятники саамов Карелии и Фенноскандии получили в работах автора (Манюхин, 1996, 2004). Таким образом, прослеживается единая линия саамской культуры от эпохи железа до исторически зафиксированной культуры саамов.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

Монографии:

1. Манюхин И. С. - Позднекаргопольская культура. Саамы (культовые памятники) // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 220-238, 343-361. (в соавторстве с В. Ф. Филатовой, Н. В. Лобановой, Ю. А. Савватеевым и др.).
2. Манюхин И. С. - Происхождение саамов /опыт комплексного изучения/. Петрозаводск, 2002. 242 с.
3. Манюхин И. С. - Культовые места саамов в Карелии // Прибалтийско-финские народы. М., 2003. С. 125-136. (в соавторстве с Г. А. Аксяновой, А. А. Зубовым, Г. Л. Хить и др.).

Статьи, тезисы докладов:

4. Манюхин И. С. - О работе Медвежьегорского отряда // Археологические открытия. Сб. статей. М., 1988. С. 26 - 27. (в соавторстве с А. М. Спиридоновым).
5. Манюхин И. С. - Позднекаргопольская культура // Археология Пскова и Псковской земли. Тез. докл. научн. конференции. Псков, 1987. С. 80 - 81.
6. Манюхин И. С. - Специфические черты позднекаргопольской культуры // Краткие сообщения Института археологии. Сб. научн. статей. № 194. М., 1988. С. 11-16.
7. Манюхин И. С. - Позднекаргопольская культура. Автореферат дис. ... канд. истор. наук. М., 1989. 23 с.

8. Манюхин И. С. — Позднекаргопольская культура // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. Сб. научн. статей. Петрозаводск, 1991. С. 168 - 196.
9. Манюхин И. С. - Поселения с сетчатой керамикой эпохи поздней бронзы в устье р. Водлы на восточном побережье Онежского озера // Финно-угры России. Сб. статей. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола, 1993. С. 82-102.
10. Манюхин И. С. - Культовые места саамов в Карелии // Кижский вестник. Новые памятники лесной полосы Евразии. Сб. статей. Вып. 1. Петрозаводск, 1993. С. 82 -84. (в соавторстве с М. М. Шахновичем).
11. Манюхин И. С. - Культовые места саамов в Карелии // Историческая география: тенденции и перспективы. Сб. научн. трудов. Русское географическое общество. Комиссия исторической географии. СПб., 1995. С. 164-177.
12. Манюхин И. С. - Археологические памятники оз. Пяозеро // Природа и экосистема Паанаярвского национального парка. Сб. научн. статей. Петрозаводск, 1995. С. 158 - 165.
13. Манюхин И. С. - Происхождение саамов /по археологическим данным// 50 лет Карельскому научному центру Российской академии наук. Материалы юбилейной науч. конференции. Петрозаводск, 1996. С. 234-235.
14. Манюхин И. С. - Происхождение саамов по данным археологии // Традиционная культура финно-угров и соседних народов. Международный симпозиум 9-12 февраля 1997 г. в г. Петрозаводске. Тез. докл. Петрозаводск, 1997. С. 28-30.
15. Манюхин И. С. - Поселения с сетчатой керамикой эпохи поздней бронзы в устье р. Водлы // Археология Севера. Сб. научн. статей. Вып. 1. Петрозаводск, 1997. С. 159 - 177.
16. Манюхин И. С. - Древняя металлургия и металлообработка в охотничье - рыболовецких культурах эпохи железа и средневековья в Карелии // Гуманитарные исследования в Карелии. Сб. научн. статей. Петрозаводск, 2000. С. 16 - 23. (в соавторстве с М. Г. Косменко).
17. Манюхин И. С. - Археологические памятники архипелага Кузова // Культурное и природное наследие островов Белого моря (на русск. и англ. языке). Сб. статей. Петрозаводск, 2002. С. 19 - 31. (в соавторстве с Н. В. Лобановой).
18. Манюхин И. С. Лабиринты Карелии // Кижский вестник. Сб. статей. Вып. №7. Петрозаводск, 2002. С. 226 - 235.
19. Манюхин И. С. - К истории заселения о. Кижы в Средневековье и Новое время // Кижский вестник. Сб. статей. Вып. 8. Петрозаводск, 2003. С. 243-261. (в соавторстве с К. Э. Германом, И. В. Мельниковым, А. М. Спиридоновым).
20. Манюхин И. С. - Освоение южного Заонежья в раннем и развитом средневековье (по материалам раскопок селища Наволок на о. Кижы) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера. Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003».

- Петрозаводск, 2003. С. 236-243. (в соавторстве с К. Э. Германом, И. В. Мельниковым, А. М. Спиридоновым).
21. Манюхин И. С. - К вопросу о происхождении саамов // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Новые гуманитарные исследования». Самара, 2005. С.134-145.
22. Манюхин И. С. — Предистория (на финском и русском языке) // Паанаярви. Сб. статей. Куусамо, Финляндия. 1993. С. 91 - 94.
23. Manjukhin I. S. - Saami cult sites in Karelia, general characterization and dating // Historia Fenno - ygrica I:2. Congressus primus historiae Fenno-Ygricae. Oulu, 1996. P. 71-77.
24. Manjukhin I. S. - Archeological monuments of the Pjaozero area // Oulanka Reports. № 23. Oulu. 2000. P. 135 - 141.
25. Manjukhin I. S. - Ancient iron production in Karelia // Fennoscandia archeologica. № XVI. Helsinki, 1999. P. 31 - 46. (together with M. G. Kosmenko).

Издательство Самарского научного центра РАН
Лицензия на издательскую деятельность ЛР №040910 от 10.8.98 г.

Подписано в печать 9.11.05 г. Объем 2,5 п.л.
Тираж 100 экз. Печать оперативная. Заказ № 935.

Отпечатано в типографии АНО «Издательство СНЦ РАН»
443001, Самара, Студенческий пер., 3а
тел. (846) 242-37-07